

За время экспедиций нами было выявлено много песельников и музыкантов различных возрастных групп (см. рис. 7). Разнообразие народно-поэтического наследия и большое число художественно одаренных людей может стать прочной базой для развития в колхозах музыкально-хоровой самодеятельности.

* *
*

В настоящем сообщении содержатся некоторые предварительные итоги полевого исследования культуры и быта колхозников Калининской области. Многие из намеченных здесь вопросов еще нуждаются в уточнении и углублении, что будет сделано нами при дальнейшей работе над собранными материалами.

Л. А. Пушкарева, М. Н. Шмелева

РАБОТА МОРДОВСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ в 1953—1957 гг.

Полевые этнографические работы по изучению мордовского народа начали проводиться Институтом этнографии АН СССР с 1953 г. В 1953—1954 гг. работы велись в небольших масштабах и ограничивались тем, что автором настоящего сообщения совместно с работниками Мордовского научно-исследовательского института были осуществлены две поездки для обследования эрзянского населения, живущего в Больше-Игнатовском, Ардатовском, Дубенском и Кочкуровском районах Мордовской АССР. С 1955 г. изучение мордвы стало вестись значительно шире и углубленнее. На средства Института этнографии АН СССР и Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР в г. Саранске в 1955 г. была организована этнографическая экспедиция, которая продолжила исследования и в последующие 1956 и 1957 годы (см. карту, рис. 1).

В 1955 г. экспедицией были обследованы районы Мордовской АССР с мокшанским населением: Мельцанский, Старо-Синдровский, Рыбкинский, Атюрьевский, Старо-Шайговский и Пурдошанский. В следующем году была совершена поездка в юго-западные районы республики — Zubovo-Полянский, Ширингушский, Торбеевский и Инсарский, тоже с мокшанским населением. Кроме того, экспедиция побывала у мордвы-эрзи в Лукояновском районе Горьковской области, у мордвы-терюхан в Дальне-Константиновском районе той же области и у мордвы-каратаев в Камско-Устьинском районе Татарской АССР.

В 1957 г. полевые этнографические работы также были перенесены за пределы Мордовской АССР — на территорию Поимского, Шемышейского и Сосновоборского районов Пензенской области, Барышского и Кузоватовского районов Ульяновской области, где проводилось изучение живущих здесь мокшанских и эрзянских групп.

Полевые исследования длились ежегодно полтора — два летних месяца. В экспедиции работали два отряда: антропологический под руководством старшего научного сотрудника Института истории Академии наук Эстонской ССР К. Ю. Марк и этнографический — под моим руководством. В работах экспедиции принимал участие также научный сотрудник Института языкознания АН СССР А. П. Феоктистов. В общей сложности в экспедиции участвовали в разные годы от 8 до 10 человек.

В задачу экспедиции входило всестороннее изучение мордовского народа и его культуры. На первом этапе полевых исследований основное внимание уделялось нами вопросам этнической истории и тем культурно-историческим связям, которые сыграли наиболее важную роль в развитии мордовской культуры. Нас особенно интересовали исконные хозяйственные занятия мордовского народа, орудия труда и традиционные технические приемы, типы расселения и характерные жилища мордовского населения, национальные особенности костюма (в целом и его локальных подразделений), пережитки старых, дохристианских верований, народные обряды и обычаи. Собирая материал, относящийся к прошлому, мы сравнивали его с теми явлениями, которые наблюдаются теперь.

Собранные в экспедиции материалы по расселению мордвы в значительной степени обработаны ее участником, ныне сотрудником Института этнографии АН СССР В. И. Козловым и использованы им в диссертации «Расселение мордовского народа в середине XIX — начале XX в.» и в его же статье на эту тему¹. Поэтому в настоящем

¹ В. И. Козлов, Расселение мордовского народа в середине XIX — начале XX в. (автореферат диссертации), М., 1956; его же, Расселение мордвы — эрзи и мокши, «Сов. этнография», 1958, № 2.

сообщении мы не будем характеризовать материал по этой теме, а отметим только некоторые районы со смешанным эрзя-мокшанским, мордовско-русским и мордовско-татарским населением и укажем на тот большой интерес, который они представляют для нашего исследования.

* *
*

На территории Мордовской АССР эрзя и мокша живут обособленно. Эрзянские поселения сосредоточены в северо-восточных и восточных, мокшанские — в западных и юго-западных районах республики. Исключение представляет компактная группа (15 селений) эрзи на территории Теньгушевского района. Эта группа, оторванная на протяжении ряда столетий от основного массива эрзи и окруженная мокшей, имеет ряд особенностей в культуре, в частности в женском костюме, в котором сочетаются эрзянские, мокшанские и русские черты. Говорят теньгушевские эрзяне на особом диалекте эрзянского языка, в словарном составе которого много мокшанских слов и различных фонетических особенностей, характерных также для языка мокши².

В Торбеевском районе республики, где живут мокшане, имеются два села (Каж-лодка и Дракино), занятые эрзей. Их предки переселились сюда в XVII в. с территории современного Теньгушевского района. Жители этих сел помнят свое эрзянское происхождение и говорят по-эрзянски, но в культуре не имеют отличий от окружающих мокшан.

Не менее интересны и такие смешанные районы, в которых эрзя численно преобладают над мокшей. Подобное явление наблюдается в Шемышейском и Сосновоборском районах Пензенской области. В Шемышейском районе из 22 мордовских сел только в трех живут мокшане, а в остальных — эрзяне. В Сосновоборском районе из 24 мордовских сел 7 мокшанских и 17 эрзянских.

Мокшане, составляя численное меньшинство в этих районах по сравнению с эрзянами и смешиваясь с ними, восприняли эрзянский народный костюм, но продолжают сохранять национальное самосознание и говорить на диалекте мокшанского языка, в котором много слов и оборотов, свойственных языку эрзи. Подобный процесс ассимиляции мокши эрзей мы наблюдали и в Лукояновском районе Горьковской области, где среди группы эрзянских поселений имеются лишь два мокшанских — Санки и Печи.

По-иному складывалась культура мордвы, находившейся длительное время под влиянием татар (мордва-каратаи) или значительно ранее других групп испытывавшей русское влияние и вошедшей в состав Русского государства (мордва-терюхане).

* *
*

Основным занятием мордвы как в XIX в., так и теперь является сельское хозяйство, в частности земледелие, которое, судя по археологическим памятникам и некоторым этнографическим данным, восходит к очень давнему времени. Сельскохозяйственные культуры, традиционные для мордовского земледелия, — рожь, овес и в особенности просо часто упоминается в мордовском фольклоре, пшенная каша — обязательное кушанье на всех семейных торжествах: на свадьбе, новоселье, крестинах, поминках и т. п. Эрзяне, живущие в более северных районах, местами возделывают ячмень, а мокшане, обитающие несколько южнее, возделывали в прошлом веке и полбу. На огородах сеяли коноплю, волокна которой шли на изготовление одежды и веревок, а из семян получали масло. В настоящее время на полях многих колхозов Мордовии конопля является ведущей технической культурой, от которой колхозы получают большие денежные доходы.

Трехполье, господствовавшее в XIX — начале XX в., после коллективизации уступило место многополью, ставшему в настоящее время ведущей системой в полеводстве у мордвы.

С большим трудом экспедиции удалось собрать материал по старым сельскохозяйственным орудиям. Современный уровень сельскохозяйственной техники в обследованных нами районах достаточно высок; почти все сельскохозяйственные работы механизированы, вследствие чего старый сельскохозяйственный инвентарь не только вышел из употребления, но вообще не сохранился в деревнях. Правда, кое-где в районах Мордовской АССР можно встретить небольшие сошки, которыми пользуются колхозники при окучивании картофеля на своих приусадебных участках и которые существенным образом отличаются от традиционной мордовской «сока». Являясь в прошлом основным пахотным орудием, старинная мордовская сока имела два массивных сошника, перекидную палицу и веревочные подвои. В некоторых крестьянских хозяйствах подлесных деревень (например, в Больше-Игнатовском и Zubovo-Полянском районах Мордовии) еще хранятся «капала» — тяжелые тяпки, которые применялись при лесном подсечном земледелии, когда надо было рыхлить землю вокруг пней. Для разделки луговины и поднятия нови мордовское население, как и русские соседних районов, применяло резец, вышедший из употребления еще в 1930-х годах и уже в первые

² В. П. Ежова, Современная культура и быт мордовского населения Теньгушевского района Мордовской АССР (автореферат диссертации), М., 1954, стр. 5.

годы коллективизации замененный плугом. В прошлом столетии при рыхлении почвы пользовались в основном рамочной бороной «изамо» с железными зубьями, встречаемой еще и теперь. Эта борона сменила ранее употреблявшуюся кое-где суковатку и плетеную борону с деревянными (дубовыми) зубьями, применявшуюся обычно на более легких песчаных и супесчаных почвах.

Сеяли мужчины вручную из лукошка или специальной сеятельной рубахи — «видь-мепанар», сделанной из старой женской рубахи, с наглухо зашитым наподобие мешка подолом и с лямками вместо рукавов, которую надевал на шею сеятель. Женщины жали рожь серпами «тарваз», мужчины убирали овес, а иногда и рожь, косой «пелема» с грабилкой. Сноп перед обмолотом сушили в овинах «авня»; у эрзи был распространен ямный овин, а у мокши, наряду с ямным, встречался конусообразный овин, так называемый «шиш», из жердей и с подземной камерой, в которой устраивали толку.

Молотили в основном цепями — «пивсэма» — двух типов: северновеликорусского (такой цеп бытовал преимущественно у эрзи) и южновеликорусского (у мокши). Обмолоченное зерно просеивали через специальное большое решето, а затем веяли с лопаты; веялки до революции имелись только в зажиточных хозяйствах.

Размол зерна производили на ветряных и водяных мельницах — «ведьгев». Небольшое количество зерна мололи на ручных жерновах.

Приведенные нами примеры позволяют заключить, что техника земледелия у мордвы в дореволюционное время мало отличалась от русской. Своеобразие сохранялось в названиях орудий и возделываемых культур, в способах складывания снопов, устройстве овинов, в севе из особой рубахи и некоторых других особенностях.

Животноводство из-за недостатка пастбищ имело подсобное значение. Пастьба скота производилась в дореволюционное время организованно, в стаде, под присмотром пастухов, которых нанимало «общество». Существовавшие у мордвы способы содержания скота и ухода за ним не имели каких-либо специфических черт, а были такими же, как и у русских соседних районов средней России, с которыми мордовский народ был тесно связан экономически и культурно на протяжении многих столетий.

Из других занятий следует упомянуть пчеловодство. Мордовское население, издавна жившее в лесных районах, имело обширные бортевые угодья. Любовь к пчеловодству сохраняется у мордовского народа и теперь. О бортевом пчеловодстве вспоминают только старики, но зато во многих колхозах с успехом развивается дворовое и пасечное пчеловодство; колоды, так называемые пеньки, давно заменены рамочными ульями.

У населения лесных районов Мордовской АССР (Больше-Игнатовского, Ардатовского, Zubово-Полянского, Темниковского), а также некоторых районов Пензенской области (Шемышейского, Сосновоборского) и Лукояновского района Горьковской области исконные лесные промыслы в эпоху капитализма получили широкое развитие. К этим промыслам относятся углежжение, смолокурение, пила дров, изготовление деревянной посуды, лопат, колес, ободьев и пр. Распространено было отходничество — шли в низовья Волги на сельскохозяйственные работы. В настоящее время перечисленные промыслы сохраняются в колхозах. Молодежь иногда едет по вербовке в другие области на временную работу: девушки — преимущественно на добычу торфа, мужчины — на лесозаготовки, на строительные работы.

Рыболовство истари существовало по берегам более крупных рек — Суры, Мокши, Алатыря. Однако как и в эпоху капитализма, оно и теперь не имеет промышленного значения; возможно, поэтому в нем и сохранились древние приемы лова и наиболее архаичные орудия: запоры из лозы и хвои, плетенные из ниток и прутьев морды, лов саком и бреднем, лучение. Остроги встречаются двузубые, пятизубые, более нового типа — с одиннадцатью и шестнадцатью зубьями.

* * *

Мордовские селения по внешнему виду и планировке также мало отличаются от соседних русских деревень. Обычно они расположены около воды: по берегам рек, вблизи ручьев или по склонам оврагов, в глубине которых бьют ключи. Наименования многих селений имеют окончание «лей», что значит «река»: Кардафлей, Пичелей, Вачелей, Семилей и т. д.; другие селения получили наименование от названия протекающей поблизости речки (например, Верхний и Нижний Мывал, Верхний и Нижний Катмис, Тавла).

Величина мордовских селений в среднем 200—400 дворов, но встречаются и очень крупные, по 800—900 дворов, преимущественно в южных районах республики и в Пензенской, Ульяновской и Куйбышевской областях (например, Ачадово, Анаево, Новые Турдаки, Еделево, Атюрьево).

Планировка мордовских селений разнообразна: беспорядочная, круговая, радиальная, однорядная и двурядная (или уличная). Деревни с беспорядочной застройкой в настоящее время встречаются редко. Подобную застройку можно видеть лишь в старых деревнях, уцелевших от пожаров. Селений с круговой планировкой также немного. В большинстве случаев такая планировка обусловлена овражистым рельефом местности, когда улицы села идут вокруг оврага или когда село построено по берегам пруда.

В центре селений с радиальной планировкой обычно находится площадь, где раньше была церковь. Направление улиц определяется зачастую проходящими через селе-

ние дорогами, вдоль которых и идет застройка. Однорядная застройка встречается обычно в селах, вытянутых по берегу реки, а также на новых концах села. Двурядная застройка улиц преобладает. Зачастую она является уже вторичной, возникшей после перестройки селений, которая проводилась на территории Мордовии с последней четверти XIX в. На более старых улицах дома родственников расположены обычно рядом, а иногда два-три дома (обычно братьев) стоят на одной усадьбе.

Концы сел имеют свои названия: чаще всего это имя или прозвище первого поселенца либо обозначение характера местности (Болото, Гарь) или времени возникновения данного конца (Новый конец, Старый конец).

На территории Мордовской АССР и прилегающих к ней областей — Пензенской и Ульяновской — часто встречаются одинаковые названия сел: Чукалы (пять сел), Турдаки (четыре села), Андреевка (пять), Еделево (два), Атяшево (четыре). Собранные экспедицией легенды и рассказы об истории этих мордовских сел при сопоставлении с письменными источниками позволяют выяснить происхождение названия села и причину переселения, установить время возникновения отдельных поселений.

Для мордовских сел характерны широкие улицы. Перед избами по обеим сторонам дороги ставят мазанки, углубленные в землю кладовки — «виходы» и погреба — «матф», «кав». Перед окнами некоторых домов имеются палисадники.

В более северных районах республики, а также в Ульяновской и Горьковской областях, где, в основном, поселения эрзянские, дома стоят перпендикулярно улице. В южных районах республики (Зубово-Полянском, Ширингушском, Инсарском), в Поимском районе Пензенской области, где поселения мокшанские, дома чаще стоят параллельно улице. В отдельных случаях наблюдается желание хозяев повернуть окна избы непременно к югу, и если такая постановка фасада не совпадает с направлением улицы, то окна бывают обращены во двор либо в огород, а на улицу выходит глухая стена или крыльцо (Еделево Кузоватовского района Ульяновской области, Ачадово Ширингушского района Мордовской АССР).

Новые колхозные поселки, возникшие около промышленных предприятий, мельниц, МТС, или представляющие собой выселки из старых деревень, обычно расположены в живописных местах, по своим размерам небольшие (примерно не более 50—60 дворов), с уличной застройкой.

Мордовская изба — «кудо» — напоминает русскую избу. Основной строительный материал — дерево. В безлесных, более южных районах Мордовской АССР (Кочкуровском, Рузаевском) наряду со срубными избами, распространены глинобитные и саманные постройки, а иногда встречаются и кирпичные. В Поимском районе Пензенской области у мордвы-мокши преобладают деревянные избы с обмазкой из глины, хозяйственные же помещения (сени, сарай) очень часто делают плетневыми. Можно отметить, что эрзянская изба сближается с жилищем русского населения средней полосы, а мокшанская — стоит ближе к жилищу южных великорусов. Избы у эрзи значительно выше и массивнее, чем у мокши. Их ставят обычно на деревянных столбах или возводят фундамент. Во всех избах имеется довольно высокое подполье. За последние 20—30 лет все чаще строят двухраздельные дома с «пределом»³ и небольшими тесовыми сенями. Зачастую рядом с домом устраивают крыльцо и коридор (рис. 2). На улицу в большинстве случаев выходят три окна.

Наиболее старый тип эрзянского жилища — трехраздельный дом, в котором рубленые сени отделяют жилую избу от клети. Такие постройки еще можно встретить в Больше-Игнатовском, Ардатовском районах Мордовской АССР, но их уже нет у эрзи в Пензенской и Ульяновской областях. Зато именно в этих областях много пятистенных изб. Строительство пятистенков широко практикуется, особенно в последние годы, во всех обследованных нами районах.

Крыши преобладают тесовые двускатные (например, в сел. Иванцево Лукояновского района Горьковской области), на пятистенках — четырехскатные, местами встречается покрытие щепой.

Эрзянские избы, в особенности в лесных районах, чаще и богаче украшаются резьбой, чем мокшанские; на старых избах можно встретить долбленную резьбу; шире, однако, распространены накладные украшения и пропиловка.

Для мокшанского населения, в особенности более южных районов республики (Ширингушского, Инсарского) и Поимского района Пензенской области, типично однокамерное жилище (глинобитное или срубное) с пристроенными к нему сенями — часто плетневыми, с земляным полом и без потолка (рис. 3). Избы ставят, как правило, без фундамента и пол настилают почти на уровне земли. Многие избы не имеют подполья (например, в с. Пичевка Поимского района). Низкий потолок не позволял делать и потолков. Крыши в большинстве случаев соломенные, двускатные и четырехскатные. За последние годы и в мокшанских районах наблюдается тенденция ставить рубленую избу с «пределом» на фундаменте и покрывать ее тесом, щепой или железом.

Во всех избах имеется русская печь, сложенная обычно из кирпичей (глинобитные встречаются редко, например, в Еделево Кузоватовского района Ульяновской области), которую используют для обогрева помещения, варки пищи и выпечки хлеба. Кроме русской печи, в каждой избе сложена небольшая кирпичная печь типа временянки или голландки, редко с конфорками, почти исключительно для обогрева помещения.

³ Пятистенков, поставленный перпендикулярно к улице.

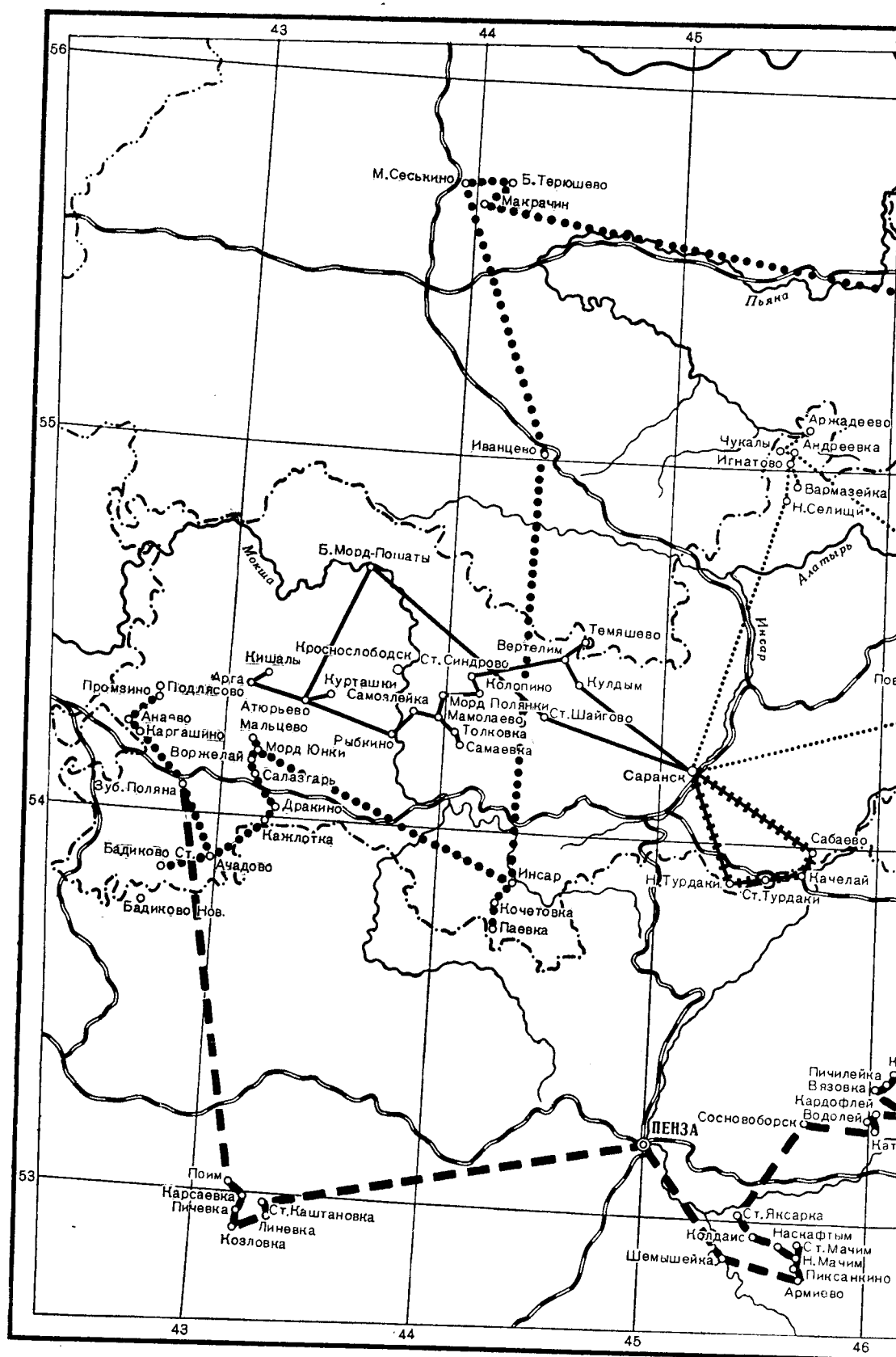

Рис. 1. Маршруты и районы работ Мордовской этнографии

На обследованной территории в мордовских поселениях нами отмечено четыре типа внутренней планировки жилых изб (рис. 4): 1) печь расположена в одном из дальних углов избы и обращена устьем к двери; красный угол находится также около двери, но не там, куда обращено устье печи; 2) красный угол также расположен у двери, но печь, хотя и стоит в переднем углу, устьем обращена к окнам в боковой стене, обычно выходящим на улицу; 3) печь расположена в одном из углов при

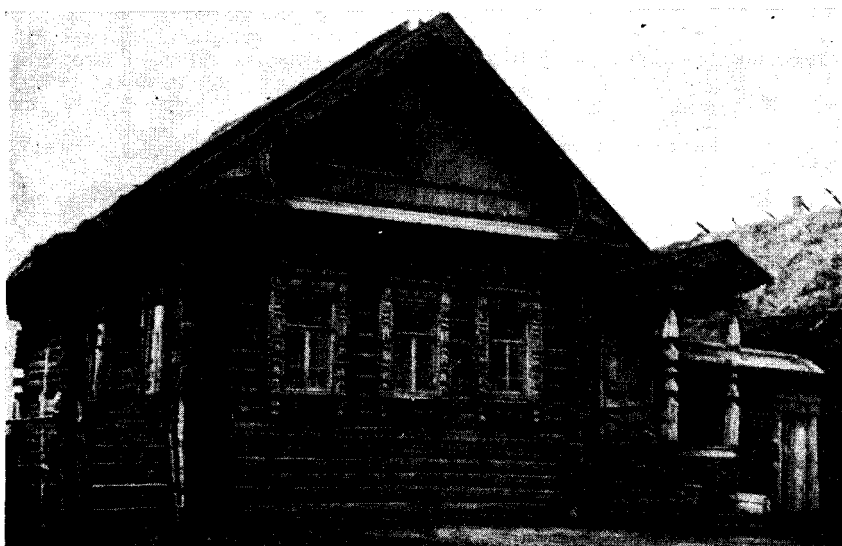

Рис. 2. Распространенный тип современного жилого дома у мордвы-эрзы (с. Низовка Ардатовского района Мордовской АССР)

Рис. 3. Старая изба мокшанина с пристроенными к ней плетневыми сенями (с. Пичевка Поимского района Пензенской области)

входе, устьем обращена к окнам передней стены; красный угол находится по диагонали от печи; 4) печь расположена также при входе, но ее устье обращено к боковой стене, а красный угол находится там же, где и в третьем типе.

У эрзы повсеместно господствует третий тип планировки, изредка встречается четвертый. У мокши встречаются все четыре типа, но преобладает второй. Однако третий тип планировки все чаще начинает появляться и у мокши во вновь поставленных избах, в особенности в районах, где эрзянские, мокшанские и русские поселения находятся поблизости друг от друга (например, в Лукояновском районе Горьковской области).

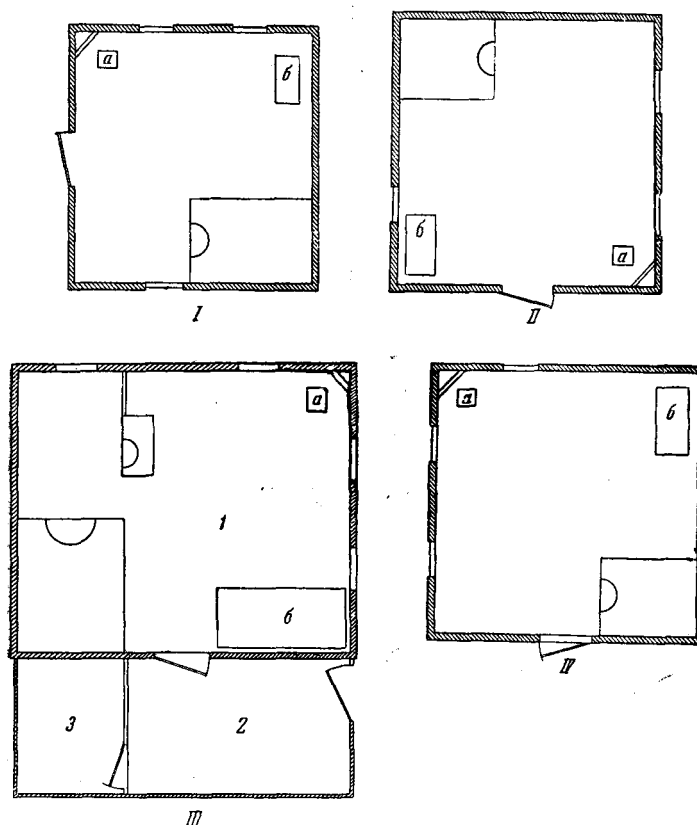

Рис. 4. Типы внутренней планировки мордовского жилого дома: 1 — изба, 2 — сени, 3 — чулан: а — стол, б — кровать (I, II, IV — с. Пичевка Поимского района Пензенской области; III — с. Пиксанкино Шемышейского района той же области)

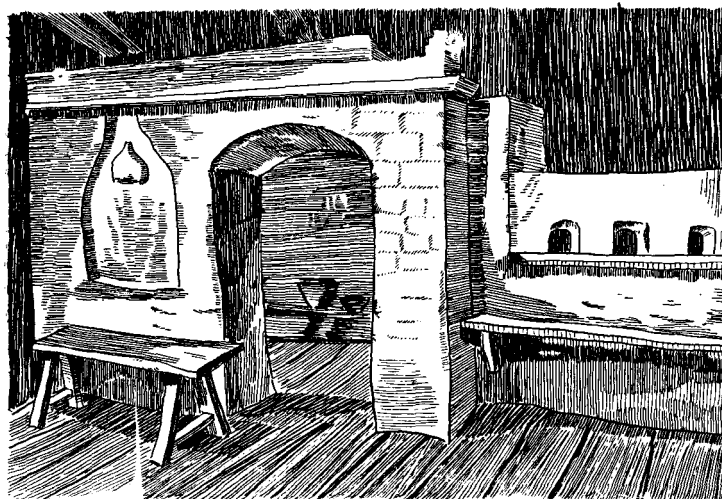

Рис. 5. Голландская печь с дымоходом, заключенным в кирпичную арку, отгораживает кухню от жилой части избы (с. Вязовка Сосновоборского района Пензенской области)

Шемышейском и Сосновоборском районах Пензенской области). Современные избы в большинстве случаев бывают разгорожены: печь с примыкающим к ней углом избы отделяется деревянной перегородкой или голландской печью с кирпичной аркой (внутри этой арки проходит дымоход) (рис. 5).

В 1920-х годах этнографы, работавшие среди мордвы, отмечали внутри мордовского, в особенности мокшанского, жилища ряд особенностей: «коник ланго» — широкую неподвижную лавку для сиденья и сна у задней стены при входе; «кершпель» — невысокий помост (15—20 см) около печи, на котором также спали, а позднее стали ставить кровати; «потмар» — самодельный шкаф в виде рундука; «лавця» — полку у стены возле печи (на нее клали вынутый из печи хлеб) и над входной дверью другую полку, также лавця, на которую мужчины клали шапки.

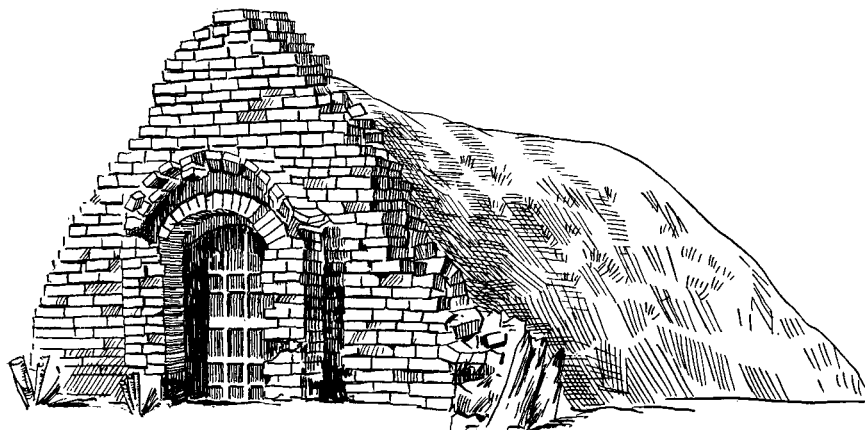

Рис. 6. Кладовая — «виход» для хранения имущества, летом — для сна (с. Анаево Зубово-Полянского района Мордовской АССР)

В настоящее время подобное убранство избы встречается редко. Входит в быт городская обстановка, и только на кухне можно встретить еще потмар и на нем деревянные чашки и солонку в форме утки, а на стене — плетеную ложканицу; около печи стоит лохань, а над ней спускается с потолка на цепи ведро с водой. Кершпель сохраняется в редких домах. Что касается надворных построек, то они такие же, как у русских Среднего Поволжья. Для эрзи характерна двурядная связь и покоеобразная застройка двора; в северных районах Мордовской АССР иногда встречаются однорядная связь и одноэтажный крытый двор. Для мокши более типичен открытый двор в форме прямоугольника, на котором хозяйственные постройки примыкают к дому, образуя глаголь, или стоят разбросанно.

У эрзи в более южных районах республики, в Пензенской и Ульяновской областях, и повсеместно у мокши часто встречаются «виходы» — подвалы, сложенные из камня и углубленные в землю на 30—40 см. Покрытием их служит чаще всего дерн. В них спят летом и сохраняют имущество на случай пожара (рис. 6). В некоторых деревнях вместо входов строят мазанки. На улице некоторые колхозники устраивают и погреба с крышей, имеющие вид двускатного шалаша, покрытого корьем или тесом. Встречаются погреба в виде небольшой круглой насыпи, с люком, обнесенной плетнем.

Бани у мордвы распространены повсеместно. Исключение составляет только мокшанское население Поимского района Пензенской области, которое моется в доме. Здесь еще сохраняется старый обычай мыться зимой в русских печах, а летом — во дворе под навесом или в сених.

В настоящее время все обследованные нами как эрзянские, так и мокшанские селения меняют свой традиционный вид. Идет массовое строительство жилых домов, хозяйственных построек, ферм, колхозных дворов, около домов появляются палисадники, проводится озеленение деревенских улиц.

* * *

Домашнее прядение и ткачество продолжают сохраняться у мокшанского населения, особенно у живущего на территории республики, в большей мере, чем у эрзянского, у которого домашнее ткачество почти совсем исчезло; бытуют в небольшой степени только прядение и вязание из шерсти.

Во всех обследованных нами районах мордовки прядут шерсть сидя, с палкообразной прялки, удерживая ее коленями, а коноплю и посконь — с гребня. Можно отметить, что у мордвы издавна преобладала конопля, тогда как у русских соседних районов — лен.

В некоторых деревнях встречается самопрялка; у эрзи — стояк, у мокши — стояк и лежак. Воробы и моталки такие же, как у соседнего русского населения; сновалка неподвижная, рамочная. У эрзи — ткацкий стан русского типа с рамой и навоями;

у мокши — более простой, без боковых стоек и заднего навоя, с основой, заплетенной в косу и перекинутой через неподвижную перекладину, близкий по своему устройству к татарскому (рис. 7). Ткали обычно белый посконный холст; в последнее время стали ткать из хлопчатобумажных нитей. У эрзян встречается браная техника ткачества; мокшанам, наряду с браной, известна также и закладная техника.

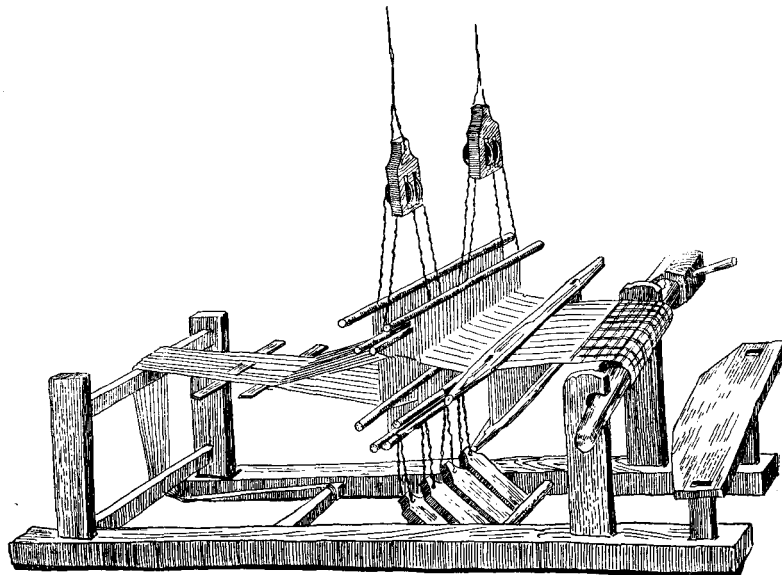

Рис. 7. Распространенный у мордвы-мокши тип ткацкого стана (с. Атюрьево того же района Мордовской АССР)

Рис. 8. Девушки-мокшанки в современных национальных костюмах (с. Пичевка Поимского района Пензенской области)

Народный мордовский костюм⁴ также сохраняется у мокши значительно полнее, чем у эрзи. Народный костюм мокши бытует, изменяясь в деталях, и в наши дни, но

⁴ Мы имеем в виду только женский костюм. Мужской еще в прошлом веке очень мало отличался от костюма русских крестьян, живших в соседних с мордвой поселениях. Его шили из холста, рубаху носили белую, а штаны синие в белую полоску; на голове — картузы и валяные шляпы, на ногах — лапти, и только зажиточные имели сапоги.

сохраняет при этом особенности, идущие из глубокой древности: туникообразный покрой рубахи и верхней одежды, лапти мордовского плетения, полотнячатые и кичкообразные головные уборы, украшения из бисера, раковин и металлических привесок, находящихся себе аналогии в археологических материалах X—XVII вв., основные мотивы геометрического орнамента и пр. В пределах республики выделяется несколько локальных групп мокшанского народного костюма: центральная (Старо-Синдровский, Мельцанский, Рыбкинский, Старо-Шайговский и Атюрьевский районы), северо-западная (Темниковский, Пурдошанский, Ельниковский и Краснослободский районы), западная (Зубово-Полянский, Ширингушский, Торбеевский районы) и южная (Кадошкинский, Кавылкинский, Инсарский и Рузаевский районы) (рис. 9). За пределами республики особый комплекс представляет костюм мокши Поимского района Пензенской области (рис. 8).

Локальные комплексы мокшанского костюма и границы их распространения в значительной степени совпадают с основными диалектами мокшанского языка⁵.

Мокшанское население двух других обследованных нами в 1957 г. районов Пензенской области (Шемышейского и Сосновоборского) носило эрзянский костюм, бытовавший до начала XX в. и в соседних эрзянских деревнях; в настоящее время его не носят ни эрзя, ни мокша. Возможно, что в распространении эрзянского костюма сыграло роль численное превосходство эрзи над мокшей в этих районах, а также и то, что эрзя и мокша живут в близко расположенных друг от друга деревнях и имеют тесное хозяйственное и культурное общение между собой. Кроме того, в прошлом существовал обычай, до известной степени сохранившийся и в наши дни, согласно которому здешние мокшане брали себе жен из соседних эрзянских деревень.

Основная масса эрзи, как нами было отмечено выше, уже не носит в настоящее время национального костюма. Процесс отказа от традиционного костюма происходил не везде одновременно. Так, например, эрзянское население, живущее в Лукояновском районе Горьковской области и на территории Барышского и Кузоватовского районов Ульяновской области, перестало носить традиционный костюм еще в конце прошлого века, и даже старшее поколение уже плохо помнит его. В Больше-Игнатовском, Чамзинском, Ардатовском и некоторых других районах Мордовской АССР традиционный костюм бытовал еще в начале XX в. Здесь еще хранят на память отдельные части старинной одежды: вышитые рубахи и головные уборы, украшенные вышивкой и блестками, верхние белые халаты — «руци» и другие вещи.

Значительно дольше традиционный костюм бытовал у эрзи Теньгушевского, Атяшского и Кочкуровского районов Мордовской АССР. Так, в 1951—1954 гг. в этих районах можно было зачастую встретить даже молодых эрзянок, носивших не только по праздничным дням, но и в будни старинный национальный костюм (рис. 10, 11).

По своим составным частям комплекс эрзянского женского костюма более однороден, чем мокшанский. Чаше всего различия в костюме между эрзянскими группами населения сводятся к разнообразным типам головного убора, деталям вышивки и отделки, форме и виду поясного украшения — «пулакша» (известного в литературе под названием пулагай) и т. д. Так, эрзянки из с. Алова Атяшского района Мордовской АССР носили в праздничные дни два пулагая: один — с черной длинной бахромой и второй — из белого бисера с короткой красной бахромой, который надевали поверх черного. Эрзянки Сосновоборского района Пензенской области носили на пояснице вместо пулагая особое бисерное украшение — «лапкат» и не делали напуска на рубахе и верхней одежде, как эрзянки Кочкуровского и других районов республики. Особо следует выделить своеобразие костюма эрзянок Теньгушевского района.

Рис. 9. Мокшанки в рабочей одежде — белых «плахонах» (с. Кочетовка Инсарского района Мордовской АССР)

⁵ См. И. Черепкин, Диалекты мордвы-мокши б. Пензенской губернии, «Мордовский сборник», Саратов, 1930, стр. 18—31.

⁶ В. П. Ежова, Этнографическая характеристика одежды мордовского населения Теньгушевского района МАССР, «Ученые записки Мордовского педагогического института», вып. 4. Саранск, 1956, стр. 135—154.

Переход к одежде, сшитой из фабричных тканей по городским современным фасонам, происходил у мордвы, в частности у эрзи, не непосредственно, а при заимствовании ими русского народного костюма.

В конце XIX — начале XX в., отказавшись от своего «мордовского наряда», многие мордовки стали носить русские сарафаны «клинник» и «московат», рубахи — «руковат», с прямыми и косыми поликами, а позднее — и на кокетке; поверх сарафанов надевали кофты. Замужние женщины, как и русские крестьянки, носили повойник, а поверх него — платок «по-русски», т. е. завязанный под подбородком (стали также носить русского типа лапти и ботинки с резинками) ⁷.

Рис. 10. Девушка-эрзянка в головном уборе «пация-коня» (с. Новые Турдаки Кочкуровского района Мордовской АССР)

на изгороди около пчельника можно частенько видеть и теперь, а бросание яиц перед севом устраивается на огородах, причем этому придается вид забавы для детей.

Молодежь отмечает и теперь воскресенье после Троицы — день «проводов весны». К этому дню изготовляют из дерева и бумаги большого коня, девушки и парни ходят по селу ряжеными, устраивают массовое гулянье и игры, поют песни и пляшут.

Наиболее устойчивы похоронные и поминальные обряды, в которых, наряду с православными, сохраняются и древние языческие представления. Так, в некоторых деревнях существует обычай класть в гроб с умершим его любимые вещи; наносить на стенке гроба лопатой или мелом контур прямоугольника — «оконце»; класть в могилу палку — мерку от гроба; после погребения около могилы проводить лопатой черту вокруг близких умершего, чтобы «предотвратить» чью-либо новую смерть; продолжают сохраняться также поминальные трапезы на могилах. Еще лет 20—30 назад во время жатвы оставляли на поле полоску колосьев для умерших.

Сохраняются и теперь еще некоторые обряды, связанные с постройкой дома. В Пензенской области, возводя сруб, закладывают по традиции под второй венец медную монету и клочок шерсти с пожеланием, чтобы хозяева нового дома жили в довольстве, имели хорошее хозяйство. Когда поднимают сруб, то плотники иногда втыкают в землю в середине сруба небольшое деревце, на которое вешают «курицу» из тряпок,

В некоторых обрусевших мордовских селах б. Темниковского уезда Тамбовской губернии женщины еще в XIX в. перешли к ношению комплекса костюма с поневою, распространенного у соседнего русского населения. В настоящее время традиционный русский костюм частично бытует в мордовских деревнях, хотя с каждым годом все более вытесняется платьем, сшитым по современным городским фасонам.

* * *

Среди записанных экспедицией старинных обрядов и поверий большую группу составили различные магические обряды, направленные на улучшение урожая, сохранение и размножение скота и пчел, являвшиеся «оберегом» от града и засухи, от эпидемий. К ним можно отнести опахивание, в котором принимали участие незамужние женщины и вдовы (они впрягались в соху и ночью проводили борозду вокруг селения); прогон скота через земляные ворота и окуривание его дымом от костров, зажженных искрой, полученной от трения двух кусков дерева (так называемый «живой огонь»); бросание яиц в первую борозду на поле перед севом; подвешивание конского черепа на пчельнике и ряд других.

Если опахивание и прогон скота совершались на памяти только старшего поколения, то подвешенные черепа

⁷ Подобное явление отмечено нами у эрзи на территории Мордовской АССР (Больше-Игнатовский, Ардатовский, Дубенский, Теньгушевский районы), областей Горьковской (Лукояновский район), Ульяновской (Барышский и Кузоватовский районы), а также у мокши на территории Пензенской области (Шемышейский и Сосновоборский районы).

за что получают угощение от хозяина; существует также обычай дарить живую курицу на новоселье как залог счастливой и обильной жизни в новом доме.

* *
*

Наряду с тематическим изучением мокши и эрзи, в плане экспедиции стояло монографическое изучение двух других групп мордовского народа — терюхан и каратаев. В 1956 г. удалось осуществить кратковременные выезды к этим группам на территорию Горьковской области и Татарской АССР, предполагая в дальнейшем провести там более углубленную работу.

Терюхане живут в Дальне-Константиновском районе Горьковской области. В половине прошлого века здесь в б. Нижегородском уезде насчитывалось около пятидесяти

Рис. 11. Замужние женщины-эрзянки в «руцях» и головных уборах «косинках» (с. Новые Турдаки Кочкуровского района Мордовской АССР)

мордовских сел⁸. В настоящее время жители всех этих сел считают себя русскими. Население трех селений: Большое Сеськино, Малое Сеськино и Мокраши, еще сохраняет в памяти предания о своем происхождении от мордовских предков, рассказы о старой мордовской вере. Особенности культуры мордвы-терюхан в настоящее время сказываются только в женском народном костюме (холщевая белая рубаша и шушпан с широкими вышивками на рукавах, тканый узорный пояс), который некоторые старухи сберегают «на смерть», а также в старинных мордовских песнях и обычаях, которые они еще помнят.

Говорят терюхане уже больше столетия по-русски, лишь некоторые старики и старухи еще помнят отдельные слова эрзянского языка. И теперь еще в языке мордвы-терюхан сохраняется особая интонация с повышением на последнем слоге слова, по которой местное население узнает потомков мордвы и отличает их от жителей соседних русских сел. В 1956 г. экспедиция провела антропометрические измерения терюхан, собрала фольклорные, исторические и терминологические материалы, имеющие большое значение для выяснения этногенеза этой группы.

Каратаи живут в трех населенных пунктах на территории Камско-Устьинского района Татарской АССР: Мордовские Каратаи, Меньшиново, Шершалан. Называют они себя «мукча» (т. е. мордва) и считают, что их предки жили в Булгарском государстве и переселились в места их современного расселения из Заволжья. Живя продолжительное время среди татар, они утратили свой язык и говорят ныне на особом

⁸ М. Т. Маркелов и С. П. Толстов, К истории терюханской народной культуры, «Этнография», 1928, № 2, стр. 107.

диалекте татарского языка, в котором много оборотов речи и слов нетатарского происхождения. Мордовский слой в их языке прослеживается слабо. Обучение в школе ведется по-русски. Русский язык распространен и в быту; все каратаи двуязычны.

Материальная культура каратаев почти не отличается от русской. В их жилищах никогда не было нар и вмазанного котла, не выделялась и женская половина, что мы наблюдаем у их соседей татар. Внутренний план избы — средневеликорусский; типичны двурядная связь и покоеобразная застройка двора. Вспаха полей производилась в дореволюционное время двухлемешной сохой такого же типа, как у их соседей — русских и мордвы — эрзи и мокши.

Самобытная народная одежда каратаев не бытует. По собранным нами сведениям, она была близка к эрзянской, но части костюма называли татарскими терминами. Женщины носили белую вышитую рубаху — «аккульмэк», которую подпоясывали шерстяным поясом «чаткыс» с шестью большими кистями на поясице и металлическими подвесками. Поверх рубахи женщины-каратайки надевали летом белый вышитый халат — «чиба» типа эрзянской руци. Весной и осенью мужчины и женщины ходили в «чикмэнях» — кафтанах из сукна домашней валки, со сборами на талии, типа русского «сукмана» и мордовского «суманя», а для зимы имели овчинную шубу «тун». У женщин были широко распространены разнообразные металлические украшения: медные запястья — «белэзек», кольца — «йезек», сережки — «церга», бусы и ожерелья из монет. Самобытный женский костюм был вытеснен русским сарафанным комплексом с кокошником и сорокой. Мужчины одевались, как русские крестьяне, только чаще, чем русские, носили войлочные белые шляпы.

Официально православные каратаи еще в начале XX в. сохраняли дохристианские языческие верования; устраивали общественные моления в овраге и в поле, приносили жертвы — домашних птиц и животных: овец, бычков, жеребят. Согласно преданию, и свое прозвище «каратаи» они получили от соседей-татар вследствие того, что приносили в жертву черного жеребенка («кара» — черный, «тай» — жеребенок). Фольклор каратаев, как и их язык, совершенно не изучен; между тем он представляет огромный интерес для этнографов и языковедов. В фольклорном репертуаре каратаев имеются наряду с русскими, и самобытные песни, пословицы и загадки.

Вопрос о происхождении этой группы мордвы остается пока открытым; он и не может быть решен на основании одних только этнографических материалов, без привлечения данных языка, фольклора и антропологии.

*
*
*

Работы Мордовской экспедиции в ближайшие годы будут продолжаться как в самой республике, так и в соседних областях: Горьковской, Куйбышевской, Саратовской, а также на территории Татарской и Башкирской республик.

Особый интерес при изучении происхождения отдельных племенных групп мордовского народа и выявлении процессов культурного взаимодействия мордвы с окружающим немордовским населением представляют районы со смешанным эрзя-мокшанским, мордовско-татарским и мордовско-русским населением. Именно эти районы в ближайшие годы будут подвергнуты комплексному изучению этнографами, языковедами и антропологами. Будем надеяться, что такое комплексное изучение поможет осветить сложную этническую историю мордовского народа.

В. Н. Белицер

ПОЕЗДКА В ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКУЮ АССР

Летом 1957 г. мной по заданию Института этнографии Академии наук СССР была проведена этнографическая работа на территории Чечено-Ингушской республики. В этой поездке передо мной стояли следующие задачи: сбор материалов по вопросам истории, культуры и быта чеченцев и ингушей, освещение процесса развития республики, а также установление контакта с местными научными учреждениями. Собранный материал должен быть включен в статьи «Чеченцы» и «Ингуши», подготовленные мной для тома «Кавказ» серии «Народы мира».

Не лишним будет указать, что среди народов Кавказа чеченцы и ингуши остаются в настоящее время наименее изученными. Внимания дореволюционных и советских исследователей почти не привлекли ни хозяйство этих народов, ни их домашние кустарные промыслы (бурочно-суконный, гончарный, деревообрабатывающий, кузнечное дело), имевшие, особенно у чеченцев, издавна широкое развитие, ни поселения и жилища, ни национальная одежда, ни семейный быт, ни фольклор. Неправильно освещен в литературе вопрос о тайпах (группа родственников), имеющий важное значение для понимания общественного строя чеченцев. Остался неизученным и быт рабочих грозненских нефтяников, оказывавших значительное влияние на формирование революционного мировоззрения горцев Северного Кавказа.